

ОСНОВНЫЕ МОМЕНТЫ КРЕСТЬЯНСКОГО ДВИЖЕНИЯ В АРМЕНИИ В XIX ВЕКЕ

В Армении мы напрасно бы стали искать таких ярких проявлений крестьянской борьбы, как, скажем, в Грузии, где в течение XIX века, почти с самого начала ее присоединения к России, происходили крупные массовые вооруженные восстания против царского колониального гнета и помещичьей крепостной эксплуатации.

В Армении не было той яркой картины феодально-крепостнических отношений и того многочисленного слоя крепостного крестьянства, как в Грузии.

Значительная часть крестьянского населения нынешней Армении, т. е. части бывшей Эриванской губернии, переселилась сюда при завоевании ее царской Россией и состояла из беженцев-армян из персидских и турецких владений. О помещичьей власти над большинством этих крестьян в первые годы установления русского господства еще не могло быть речи. Только постепенно, в связи с крепостнической политикой царизма, представители азербайджанского и армянского так называемого высшего сословия стали более или менее смело предъявлять свои феодальные права к определенной части этих крестьян и приобретали владельческие права над ними под тем или иным предлогом.

Число помещичьих деревень с крестьянами-старожилами в Армении при утверждении там царизма было сравнительно невелико, так что и среди, так сказать, коренного населения Армении количество феодально зависимого крестьянства было не особенно многочисленно.

Все это относится к большинству районов нынешней Армении за исключением ее севера, т. е. Лори, входившего тогда в Борчалинскую дистанцию, а потом в Борчалинский уезд Тифлисской губернии, и юго-западных районов Армении или бывшего Зангезурского уезда, входившего в Елизаветпольскую губернию.

В Лори положение крестьянства было в общем такое же, как в Восточной Грузии или Тифлисской губернии, т. е. там существовали вполне

оформленные феодально-крепостнические отношения. В Закавказье же феодально зависимое крестьянство составляло значительное количество среди сельского населения, состав которого, как и в Лори, со времени присоединения к России не подвергся такой резкой перемене, как в большинстве районов Армении, образовавшихся из уездов бывшей Эриванской губернии.

Чтобы правильно судить о крестьянском движении в Армении, конечно, нужно иметь в виду все эти особенности исторической жизни ее во время утверждения там новой русской власти в начале второй четверти XIX века, так как эти особенности наложили свой отпечаток на социально-экономическую жизнь страны всего следующего периода ее развития.

Говоря об особых условиях развития крестьянского движения в Армении, необходимо принять во внимание и следующее обстоятельство, которое имело особо важное значение для армянского крестьянства в целом — и для помещичьего и для государственного. Армянское население вообще, в том числе и крестьянские массы, смотрели на русскую власть, как на спасительницу их жизни и имущества. Хотя они очень скоро стали чувствовать на себе тяжесть царской колониальной политики и гнет полицейско-бюрократического режима царских чиновников, и известное разочарование у них, несомненно, наступило, но все же армянский народ в целом продолжал с упованием глядеть на Россию, как на свою избавительницу от турецкого и персидского жестокого ига, угрожавшего физическому существованию народа, не говоря уже обо всем остальном.

В этих условиях не могла создаться атмосфера острой, вооруженной борьбы крестьянских масс против царизма. И не удивительно, что недовольство армянского крестьянства во всех своих различных проявлениях не дошло до этой ступени не только в первые годы присоединения к России, но и в последующие десятилетия всего XIX века.

Обращаясь в частности к условиям борьбы помещичьих крестьян Армении, нужно заметить, что кроме их сравнительной малочисленности, о чем уже сказано выше, и самый размах их движения должен был быть прямо пропорциональным силе феодально-крепостнического гнета, тяготившего над ними, а этот гнет, можно сказать определенно, был далеко не такого порядка и не такой силы, как это было в Грузии.

Крепостнические попятнозновения по отношению к своему подвластному крестьянству у помещичьих слоев Армении, — как у различных азербайджанских ханов, беков, агаларов и т. п., так и у армянских сравнительно малочисленных дворян и меликов, или, как они все обычно назы-

вазись в Армении, у мульткадаров и тигулистов,—начали появляться в значительной мере под влиянием ярко-крепостнической политики царизма с начала 40-х годов прошлого века.

Хотя эти поползновения в значительной мере и находили поддержку в закавказских и центральных правительственных кругах и претворялись в жизнь, но все же не надо забывать, что армянские и азербайджанские помещичьи слои в своих правах никогда не были уравнены с русскими дворянами, как это было сделано по отношению к грузинским помещикам, и им никогда не удавалось добиться той власти над своими крестьянами, которой пользовались дворяне-крепостники в России и в Грузии.

Конечно, все это не могло остаться без влияния на экономические и правовые взаимоотношения помещиков и их крестьян в Армении и в свою очередь не иметь своего влияния на ход и проявление крестьянской борьбы.

На одно обстоятельство также необходимо обратить внимание. Оно поможет нам правильнее понять и оценить особенности крестьянского движения в Армении. Подавляющее большинство так называемого высшего сословия или помещиков в Армении состояло из азербайджанцев, которым и принадлежала значительная часть частновладельческих деревень. Сравнительно скромна была доля армянских землевладельцев из высшего сословия, также ничтожна была доля помещиков-армян, не принадлежавших к высшему сословию, хотя трудно точно установить их удельный вес среди помещичьих элементов Армении. Соотношение же владельческих крестьян армян и азербайджанцев было иное: тут можно говорить только о простом большинстве азербайджанцев, хотя и здесь нельзя привести точных цифр.

В силу указанного обстоятельства владельцами многих армянских мульткадарских и тигульных деревень являлись представители высшего сословия из азербайджанцев, а в некоторых случаях армяне-помещики владели деревнями с азербайджанским населением. Были помещичьи деревни и со смешанным населением, принадлежавшие азербайджанским или армянским владельцам вместе или отдельно. Наконец, азербайджанские и армянские помещики иногда являлись совладельцами в деревнях с азербайджанским или армянским населением.

Национальный момент, как это можно заметить при внимательном чтении документов настоящего тома, иногда накладывал свою печать на крестьянское движение, но более замечательно то обстоятельство, что

классовая солидарность выступает как преобладающая черта этого движения, как это ясно видно из тех же документов.

Итак, ряд обстоятельств оказывал свое влияние на характер и размах крестьянского движения в Армении в XIX веке и обуславливал его особенности, а именно: слабое развитие крепостной зависимости крестьян, малочисленность самих помещичьих крестьян, политические упования армянских народных масс, связанные с Россией, как со спасительницей их от гибели под игом султанской Турции и шахской Персии и т. д. Благодаря всему этому крестьянское движение никогда не принимало характера массового восстания или вооруженного выступления крестьян против царского колониального гнета и помещичьей эксплуатации.

Но несмотря на все это, крестьянская борьба в Армении все же представляет большой интерес. Она в разных формах, то усиливаясь, то слабей, но никогда не угасая в течение всего XIX века, дала себя чувствовать царизму почти с первых же дней установления его колониального режима. Она была направлена против помещиков, пользовавшихся благосклонной поддержкой правительства в целях усиления грабежа подвластного им крестьянства. Наконец, она была направлена против деревенской буржуазии, которая в последней четверти XIX века, после крестьянской реформы 1870 года в Армении, все более и более определенно выступала в роли и полукрепостнического и капиталистического угнетателя крестьянских масс наряду с колониальными и крепостническими их угнетателями.

* * *

Все, что сказано нами выше об условиях, в которых произошло присоединение Армении к России, исключало возможность возникновения в первые годы более или менее широкого или бурного движения помещичьих крестьян. По крайней мере об этом в соответствующих фондах ЦГА Армянской ССР нам не удалось выявить что-нибудь достойное внимания. Вполне естественно, что первое и достаточно внушительное крестьянское недовольство или, вернее сказать, открытое массовое выступление крестьян в 1837—1838 г. г. против властей Армянской области, как тогда называлась Армения, произошло среди государственных крестьян и было направлено против податного гнета царизма.

Движение помещичьих крестьян приняло сразу яркое и острое формы с начал 40-х годов прошлого века, когда в политике царизма по отношению к высшему сословию Армении (и Азербайджана) наступил резкий перелом, связанный с именем первого наместника казказского—Во-

ронцова. Этот перелом характеризуется изданием крепостнического рескрипта 6-го декабря 1846 года.

Крестьянское движение Армении 40-х и 50-х г. г. достаточно ярко отражает отношение крестьянских масс к новому курсу царизма и ко всем крепостническим поползновениям помещичьих групп в связи с пожалованием им многих крепостнических привилегий русских и грузинских помещиков. Во всем этом нетрудно убедиться, просматривая материалы соответствующих годов настоящего тома.

Следующая волна крестьянского движения подымается в связи с осуществлением реформы в России и в Грузии и с подготовкой ее в Армении (и в Азербайджане). При этом интересно отметить, что на эту связь указывали с горькой жалобой еще тогда сами представители помещичьего класса, подпавшие под удар крестьянской дубинки. В этот же период в крестьянском движении выявляется и другая черта: крестьяне выступают с бурным протестом против деятельности так называемой Эриванской бекской комиссии, созданной в 1865 г. царизмом для окончательного установления состава высшего класса Эриванской губернии. Иначе говоря, по заданию царизма там шла подготовка к предстоявшей реформе, и этой «подготовкой» старались широко воспользоваться помещичьи группы, творив всякие темные дела. Именно против всего этого выступали крестьяне, разоблачая преступные комбинации дельцов из Бекской комиссии.

С начала 70-х годов крестьянская борьба направляется против проведенной царскими чиновниками, по образцу русской и грузинской, крепостнической реформы и ее последствий в Армении. В это время немало важное место занимает борьба вокруг составления уставных грамот. Далее, во многих случаях крестьяне возбуждают вопрос о мнимых правах мукладаров или тиулистов и отказываются от отбывания всяких повинностей. Особое место занимает в крестьянском движении пореформенной эпохи упорная и длительная борьба агаларских крестьян Новобаязетского уезда за освобождение от помещичьей зависимости, чего они в конце концов и добиваются.

В 80-х годах, в связи с возникновением вопроса о выкупе, учащаются острые столкновения крестьян с помещиками по поводу захваченных земель, т. е. земель, находившихся в личном пользовании владельцев, надельцов, повинностей, способа уплаты и доставки мукла и т. п.

С 80-х и особенно 90-х г. г. в крестьянском движении более заметно выявляется черта, ранее в продолжение первых тридцати лет второй поло-

вини XIX века выступавшая менее ярко, но с постоянной тенденцией усиления. Мы имеем в виду внутреннюю борьбу в деревне на почве рас-
слоения крестьян, на почве развития капиталистических отношений.

Со времени подготовки крестьянской реформы 1870 года в крестьянском движении начинает обращать на себя внимание и другая черта, также слабо выявлявшаяся и в дореформенные годы; это—борьба крестьян (и государственных и помещичьих) против полицейско-бюрократического произвола царских чиновников, участвовавшие выступления против местной власти, против переселенческой политики правительства, благодаря чему русские переселенцы за счет туземцев ставились в привилегированное положение в смысле более полного обеспечения землей.

Итак, о крестьянском движении в Армении в довольно широком масштабе можно говорить уже с конца первого десятилетия русского владычества: оно возникло на почве податного гнета царизма, а его дальнейшее развитие было обусловлено усилением крепостнической политики царизма в 40-х г. г. и подготовкой крестьянской реформы в 50-х и 60-х г. г. в России и в Закавказье. В 70-х и 80-х г. г. крестьянское движение направлялось против проведения и последствий крестьянской реформы. С 80-х же и особенно 90-х г. г. в этом движении, в связи с развитием капиталистических элементов в сельском хозяйстве, все более и более заметно проявляется новая черта: борьба теперь направляется не только против колониального гнета царизма и феодально-крепостнической эксплуатации помещиков, но и против усиливающейся капиталистической эксплуатации со стороны сельской буржуазии.

* * *

Крестьянское движение в Армении принимало различные формы. Самый распространенной формой, к которой прибегали крестьяне для выражения своего недовольства, своих нужд, требований и желаний, была подача прошений, жалоб, протестов на имя мировых посредников, представителей уездной и губернской администрации, наместника кавказского, ревизовавших эриванские губернские дела высших чиновников и пр., равно как обращение в эриванское губернское по крестьянским делам присутствию, в севат и т. д.

Нельзя не обратить внимания на поразительное упорство, с которым отдельные крестьяне, а чаще всего сельские общества стараются добиться правосудия через все препоны царских крепостнических или полукрепостнических законов, пытаясь преодолеть возмутительную волокиту мест-

ных или закавказских учреждений и невозмутимое безразличие колониальных чиновников к насущным нуждам народных масс. Передки слушан, как в этом можно убедиться по документам настоящего сборника, когда крестьяне по месяцам, годам и даже десятилетиям неистово ведут борьбу за свои права в губернских, закавказских и центральных государственных учреждениях, тщетно ища там защиты против притеснений своих помещиков, против несправедливости царских чиновников и учреждений.

Само собою разумеется, что даже эта, так сказать, законная форма крестьянской борьбы и настойчивость, с которой она велась, были совсем не по сердцу губернской высшей власти. Об этом, например, в 1860 г. ериванский губернатор пишет начальнику главного управления наместника кавказского с явной злобой, находя, что жалобы и протесты крестьян редко когда «внушены нуждою», большей же частью они внушены «паклонностью к сутяжничеству и ябеде». Поэтому губернатор сообщает, что он предписал «не делать новых производств по жалобам, оставшимся доселе без последствий» (у губернатора речь идет о жалобах крестьян, поданных действительному статскому советнику Коцебу при ревизии Эриванской губернии.—В. Р.), так как это «побудило бы только едва успокаивающийся дух ябеды, сильно жившей в этом крае».¹

О другой форме крестьянской борьбы мы узнаем из многочисленных жалоб и заявлений, поданных представителям местной и губернской властей разными группами помещиков. Это—отказ крестьян от уплаты мулька, денежных податей и несения разных повинностей, нередко и непризнания прав помещиков на их деревни с объявлением их казенными.

Об этой форме крестьянской борьбы у нас имеется очень много сведений, особенно после крестьянской реформы 1870 года. Судя по материалам, помещенным в настоящем сборнике, можно сказать, что эта форма борьбы нередко принимала массовый характер и приводила к острым столкновениям с властью. Об этом говорят не только неоднократные жалобы одних и тех же помещиков разных уездов и разных деревень, но и предупредительные меры властей, в частности мировых посредников, проявивших немало старания и решительности в деле защиты помещичьих интересов от покушений со стороны крестьянских масс. Кроме многочисленных приказов мировых посредников сельским старшинам о взыскании мулька в пользу помещиков у непокорных крестьян в связи с конкретными жалобами мулькадаров и тиунцов, у нас имеются и циркулярные

¹ Центр. гос. архив Армянской ССР, ф. 133, д. 457, лл. 119—120.

распоряжения их относительно всего подвластного им мирового отдела, чтобы сельские старшины решительными мерами своевременно пресекали всякие возможные случаи невыполнения крестьянами своих обязанностей по отношению к помещикам.

Так, например, 19 июля 1879 г. мировой посредник эчмиадзинского отдела в своем приказе старшинам всех сельских обществ пишет: «Ввиду наступления срока уборки и молотбы земных произведений во владельческих деревнях вверенного мне мирового отдела и принимая во внимание, что на основании 88 ст. Поселянского положения, причитающиеся в пользу землевладельца повинности взыскиваются с той же строгостью, как и государственные сборы, предписываю вам иметь неослабное наблюдение, чтобы следующие с поселян в пользу землевладельцев маджегат или багра были вносимы ими землевладельцам или их поверенным в сроки, для того установленные, и в надлежащем виде и целости».¹

Мировой посредник того же отдела через десять лет, 4-го мая 1889 г. снова считает нужным послать циркулярный приказ сельским старшинам, предписывая им «иметь строгое наблюдение за поселянами мукладарских деревень», чтобы они платили помещикам, «как высшего, так и невысшего сословия, багру в размере $\frac{4}{30}$ частей с урожая всех засеваемых ими произведений, причем объявите им, что они обязаны уплачивать садовые и ботанные деньги только тем из владельцев, кои происходят из высшего сословия».²

Эти приказы симптоматичны как в смысле показа настроений помещичьих крестьян и напряженных отношений между ними и их помещиками, так и с точки зрения настороженности властей, специальной задачей которых являлось урегулирование отношений землевладельцев и их крестьян после реформы.

Нередко бывали случаи, когда мировые посредники, оказывавшиеся бессильными защитить интересы помещиков, принуждены бывали, для подавления сопротивления крестьян, обращаться к помощи уездной полицейской власти или даже ставить губернскую власть в известность об опасных настроениях крестьян.

Одной из распространенных форм крестьянской борьбы за освобождение от помещичьей зависимости являются попытки ухода с владельческой земли на казенные земли. К этой форме борьбы крестьяне часто прибегали в течение всего XIX века, начиная со второй половины 40-х го-

¹ ЦГА Армянской ССР, ф. 10 с/73, д. 5, л. 3.

² ЦГА Армянской ССР, ф. 10 с/73, д. № 23, л. 1.

дов, когда определилась явно-крепостническая политика царизма (рескрипт Николая I от 6 декабря 1846 г. и Положение—агатарское и бекское—1847 года). Это стремление крестьян проявлялось иногда даже тогда, когда не было налицо острых столкновений с помещиками, и крестьяне о таком своем желании заявляли в прошениях, направляемых губернской властью. Но чаще всего оно выступало наружу, когда резко обострялись отношения между крестьянами и помещиками. В этих случаях крестьяне обнаруживали такое упорство и такую настойчивость, что нелегко бывало побороть их обыкновенными средствами принуждения и приходилось прибегать к силе, к помощи военно-полицейского воздействия, чтобы заставить остаться на помещичьей земле и продолжать нести повинности своим помещикам.

Заметим кстати, что наличие такой формы борьбы, т. е. стремления крестьян с разрешения закавказской высшей власти переселиться с помещичьей земли на государственную, что подчас и осуществлялось, несомненно является косвенным доказательством того факта, на что уже указывалось нами выше, что царизму, несмотря на всю его крепостническую политику и все его законоположения в этом направлении, не удалось окончательно прикрепить крестьян Армении (скажем в скобках, и Азербайджана) к земле и к помещику, как это имело место в России и Грузии.

Наконец, крестьянское движение в Армении в XIX веке выливалось в форму массового бурного выступления как против царского колониального податного гнета, так и против представителей помещичьего класса, у которых варварские приемы обращения со своими крестьянами соединялись с неистощимыми аппетитами эксплуататора-крепостника. Яркие примеры такой формы крестьянского движения читатель найдет в настоящем сборнике.

Эта форма движения была особенно распространена в дореформенную эпоху. Так, например, выступление крестьян приняло широкие размеры в 1837 г. на Гокче, в 30 деревнях нынешнего Ново-Баязетского района, возникнув как массовый протест крестьян-переселенцев против податного гнета царизма. Никакие увещевания местной власти не помогли делу, крестьяне решительно отказались вносить подати и отправили своих поверенных с протестом в Тифлис к главноуправляющему. Не удалось склонить крестьян к повиновению и начальнику Армянской области генералу Бебутову. И в конце концов по распоряжению главноуправляющего Закавказьем Головина пришлось прибегнуть к помощи военной си-

15403-48

лы, командировав туда подполковника Прошкова с двумя ротами егерей и сотнею казаков с двумя горными орудиями.

Заслуживает внимания то, что о принятых мерах ставили в известность Николая I через военного министра Чернышова. Отметим также, что, по сведениям официальных источников, довольно широкое и бурное движение гюктивных крестьян нашло отклик и в других округах Армянской области.¹

Другим ярким примером массового крестьянского движения является упорная борьба помещичьих крестьян, армян и азербайджанцев, д. Бжни, Ново-Баязетского уезда, в 1850—51 г. г. за освобождение от тиульно-мулкадарской зависимости. Крестьяне дружно и решительно поставили перед губернской и закавказской властью вопрос о переселении их на казенную землю, заявив, что больше они ни за что не согласны оставаться на земле своего помещика. Никакие внушения полицейской власти, даже арест главарей, не помогли делу. Крестьяне, не добившись исполнения своего желания ни письменными жалобами и протестами, ни отказом от распахки своих земель в помещичьей деревне в ожидании переселения на казенную землю, ни отказом нести повинности своему помещику, — прибегли к следующему средству массового воздействия на губернскую власть. Они «прибыв к г. военному губернатору в сопровождении жен и детей, неустною жалобой, ... выразили только неукротимое упрямство и желание возмутительным своим движением вынудить освобождение их от обязанностей тиулисту, ибо после личных трехкратных его превосходительства внушений исполнить повинности тиулисту и не уклоняться от распахки земель... жалобщики, оставаясь непреклонными, отказались при этом исполнить приказание его превосходительства—возвратиться в свои дома».

Дружное и упорное сопротивление крестьян было сломлено военной силой. Губернатор приказал ...«более строптивых из толпы наказать тут же телесно и затем под прикрытием воинского копья выслать непокорных в деревню»....²

Однако через несколько лет, в годы подготовки и проведения крестьянской реформы в России, крестьяне д. Бжни возобновляют свою борьбу за освобождение, как свидетельствует сам тиулист, уже под влиянием российских событий, и эта новая борьба продолжается с 1858 по 1864 г. г.,

¹ ЦГВИА, ф. 38, д. 98а, лл. 1—31 об.

² ЦГА Армянской ССР, ф. 133, д. 338, лл. 111—116.

т. е. до того времени, когда началось проведение крестьянской реформы в Закавказье (в Грузии).¹

Как на пример массовых бурных выступлений крестьян Армении в пореформенную эпоху, укажем на длившуюся 3—4 десятилетия борьбу агаларских крестьян четырех деревень Повобаязеского уезда, начавшуюся с сороковых годов² (1843—1850 г. г.) и кончившуюся в конце девяностых годов (1877—1899 г. г.) освобождением крестьян от агаларской зависимости. Об этом последнем мероприятии правительства управляющий государственными имуществами Эриванской губернии в 1899 г. писал: «...Исключительное положение эриванских агаларов и особенность отношений к ним местного казенного населения вызвали необходимость создания особого сепаративного закона, имевшего в виду не только избавление крестьян от личных натуральных повинностей, но и прочие обеспечение быта самих агаларов....»³

Вот еще другой пример. В 1884 г. мультядарские крестьяне деревень Гедаклу и Дазулар, Эриванского уезда, отказываясь отбывать какие-либо повинности своим помещикам, заявили мировому посреднику, что «деревни их казенные и никаких владельцев не признают», что «...они готовы быть в тюрьмах заключенными и сосланными в Сибирь, но ничего не будут платить владельцам...»

Мировой посредник в своем докладе эриванскому губернатору сообщает также, что «по примеру их беспорядки эти, как эпидемическая болезнь, распространяются по другим деревням».⁴

Такое настроение крестьян и такие острые столкновения их со своими помещиками и органами местной или губернской власти—не редкое явление в деревнях пореформенной Армении. Читатель найдет немало подобных примеров в настоящем сборнике.

* * *

О борьбе крестьян в Армении в дореформенную и пореформенную эпохи в основном можно сказать то же самое, что говорит Ленин о борьбе крестьян в России того же периода:

«Когда было крепостное право,—вся масса крестьян боролась со своими угнетателями, с классом помещиков, которых охраняло, защищало и поддерживало царское правительство. Крестьяне не могли объединить-

¹ ЦГА Армянской ССР, ф. 133, д. 459, лл. 2—48.

² ЦГА Армянской ССР, ф. 133, д. 206 и д. 265.

³ ЦГА Армянской ССР, ф. 133, д. 1365, лл. 114—117 и д. 1345.

⁴ ЦГА Армянской ССР, ф. 7/70, д. 570, лл. 2—3.

ся, крестьяне были тогда совсем задавлены темпотою, у крестьян не было помощников и братьев среди городских рабочих, но крестьяне все же борелись, как умели и как могли».

И далее:

.. «Крепостное право отменили, но не совсем. Крестьяне остались без прав, остались низшим, податным, черным сословием, остались в когтях у крепостной кабалы. И крестьяне продолжают волноваться, продолжают искать полной, настоящей воли».¹

А «полной, настоящей воли» крестьяне могли достичь только в совместной борьбе с рабочим классом и под его руководством.

«Крестьянские восстания могут приводить к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями, и если рабочие руководят крестьянскими восстаниями, только комбинированное восстание во главе с рабочим классом может привести к цели».²

Проф. В. Риггин

¹ Ленин, Соч., т. V, 2-е изд., «К деревенской бедноте», стр. 311.

² Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е. Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом 13 декабря 1931 г., стр. 527.